

DOI 10.25991/VRHGA.2023.1.1.019

УДК 1(091)

М. В. Михайлова*

**ПРОЩЕНИЕ КАК ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ИМПЕРАТИВ
И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ЗАДАЧА
Философско-религиоведческий аспект
Часть I
ПРОЩЕНИЕ В НАГОРНОЙ ПРОПОВЕДИ**

Учение Христа — скорее призыв, чем предписание. Тем более удивительна твердость, с которой Иисус устанавливает правило прощения. Прощение — центр евангельской этики, но до сегодняшнего дня оно не стало нормой жизни ни личной, ни общественной. Цель исследования — описать содержание заповеди прощения в перспективе актуальной богословской и философской традиции и наметить путь решения экзистенциальной задачи прощения. Первая часть работы посвящена теме прощения в Нагорной проповеди.

Ключевые слова: прощение, мир, кротость, милость, свобода, будущее, прошлое, месть, насилие, война.

M. V. Mikhaylova

FORGIVENESS AS A GOSPEL IMPERATIVE AND AN EXISTENTIAL PROBLEM

Philosophical and religious aspect

PART I

Forgiveness in the Sermon on the Mount

The teaching of Christ is a call more than prescription. In this context the firmness of Jesus establishing the rule of forgiveness is even more surprising. The forgiveness is in the center of the evangelical ethic, but it has not become the rule of life neither personal nor social. The purpose of the study is to describe the meaning of forgiveness in the perspective of the actual theological and philosophical thought and to outline the way to solve the existential

---

* Михайлова Марина Валентиновна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, религиоведения и педагогики Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского; marinamai63@gmail.com

problem of forgiveness. The first part of the work is dedicated to the theme of forgiveness in the Sermon on the Mount.

Keywords: forgiveness, peace, meekness, mercy, freedom, future, past, revenge, violence, war.

Прощение — экзистенциальная точка, где христианская вера и жизненная практика входят в конфликт. Любому христианину известно, что прощение — необходимое условие усыновления Богу и вхождения в Царство Небесное. Этот тезис при всем многообразии его истолкований не подвергается сомнению. Вместе с тем любой человек испытывает серьезные трудности, когда конкретная ситуация требует от него прощать. В этот нами овладевает *смущение и страх*: как можно прощать обиды и несправедливость? Как можно быть в мире с тем, кто разрушает мой мир? Как можно в реальной жизни, пронизанной экономическими, политическими, социальными необходимостями, вести себя по-детски — если не сказать по-дурацки? Ведь нас сметут и растопчут, разве нет? И когда угроза быть сметенными и растоптанными реализуется, разве не должны мы бороться за свои ценности?

На это *смущение и страх* Иисус отвечает: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается» (Ин. 14, 27). Прощение — не продукт мира сего, но дар Божий. Оно уже дано Христом. Оно не только возможно, но уже есть. Другой вопрос, способны ли мы его принять. Мир Того, кто «смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп. 2, 8) требует прощать. Это задача выше человеческих сил. Но христианин по определению человек, надеющийся не на собственные силы, но на Бога. Об этом равновесии человеческой немощи и всемогущества Господня точно сказал архимандрит Лев Жилле:

«Трудность ученика Его не в том, что он не знает, что делать, но в том, чтобы найти силы — и делать. Все, что называют трагедией человеческого существования, исчезает перед незамутненным светом Христовым. Умеющие видеть свет могут и ходить во свете» [7, с. 41].

Свет Христов дает человеку силы следовать Евангелию.

Цель настоящей работы — во-первых, описать евангельскую заповедь прощения в перспективе актуальной богословской и философской традиции, во-вторых, наметить шаги к решению экзистенциальной задачи прощения. В предлагаемой читателю первой части работы рассматривается прощение в Нагорной проповеди.

Прощения — одна из главных смысловых линий Священного Писания. Уже архаические (полагающие начало) истории книги Бытия возвещают прощение. Сразу после грехопадения Адам и Ева получают протоевангелие, весть о рождении Сына Жены, который победит змея (Быт. 3, 15). Бог не отвергает человека, а утешает его надежным обетованием благого возвращения, удостоверяя Свое прощение. Каинова печать не маркирует злодея, а защищает его, «изгнанника и скитальца на земле» (Быт. 4, 12–14), от мести встречных. Оливковая ветвь (Быт. 8, 11) и радуга (Быт. 9, 12–17), дарованные через Ноя и его семью, донныне остаются знаками примирения с Богом. Заповеди Закона Моисеева, научающие ограничивать ярость, го-

товят человека услышать Божьи слова прощения и любви из уст пророков. Наконец, Иисус являет полноту прощения Божия и предписывает Своим ученикам прощение как практику, реализующую центральную и по существу единственную заповедь любви.

1. БЛАЖЕНСТВО КРОТКИХ

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю»
(Мф. 5, 5).

Эта заповедь представляет собой цитату из псалма: «Кроткие наследуют землю и наслаются множеством мира» (Пс. 36, 11). В псалме кротость — путь к праведности, а гнев неизбежно ведет в стан нечестивых. Праведник не воюет против зла, поскольку эта борьба оборачивается насилием и укрепляет позиции того самого зла, с которым предполагалось бороться. Как заметил Саймон Тагуэлл, «у зла ровно столько реальности, сколько мы ему отпустим. Мы делаем его реальней, откликаясь на него» [8, с. 21–22]. По мысли псалмопевца, верный путь — предать себя Богу и обратить волю на делание добра: «Уповай на Господа, и делай добро; живи на земле, и храни истину» (Пс. 36, 4). Кроткие предоставляют себя Богу для приращения бытия, злодеи, предоставленные самим себе, уничтожаются: «Ибо они, как трава, скоро будут подкошены, и, как зеленеющий злак, увянут» (Пс. 36, 2). О том же Иисус говорит в контексте полемики с фарисеями: «Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится; оставьте их: они — слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15, 13–14). Борьба за истину — бессмысленное дело, как и гнев на нечестивых. Зло искореняет само себя, неправда ввергает себя в яму без постороннего участия.

Кротость в христианском понимании — не слабость, вынуждающая покорно претерпевать угнетение, но при этом вовсе не препятствующая копить ненависть к угнетателям. Кроткий свободно отказывается управлять земными делами по своему разумению. Архимандрит Ианнуарий Ивлиев подчеркивает, что кротость

«противостоит гневу <...> В этом слове подчеркиваются моменты ненасилия и дружелюбности. Кроткие — это не те, кто вопиют к Богу об отмщении, но терпеливо переносят бедствия, уповая на Бога. Итак, «кроткий» скорее всего означает то же, что и «незлобивый», «скромный», «смиранный» <...> Человек только тогда достигает подлинной зрелости, когда осознает, что без Бога он не сможет сделать ничего» [6, с. 50].

Кроткие доверяют Богу, и им можно доверить землю. Их мирность позволит беспрепятственно совершаться воле Божией:

«Тем, кто не мечтает о насильственном захвате земель, обещается наследование земли. В Нагорной проповеди «земля» — метафора Царства Небесного. Разумеется, речь идет не о земле Ханаана, как в Ветхом завете, но и не о потустороннем мире, а именно о Царстве Небесном, которое в эсхатологической перспективе включает в себя обновленную и преображенную землю» [6, с. 50–51].

Обратим внимание на слово «наследуют». Наследник входит во владение по завещанию. Он не берет имение силой и не покупает за деньги. В древнем мире наследник, как правило, сын. В блаженстве миротворцев сказано, что они «будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5, 9). Быть кротким и означает творить мир, позволяя Богу совершать Его благую волю в своей жизни и тем самым присутствовать в жизни всех людей. Кротость — «нравственная, духовная позиция, которая начинается с беспомощности, столь естественной для земного удела, а завершается соработничеством Богу» [8, с. 29].

С. Тагуэлл подчеркивает, что наследование сопряжено со смертью: «Чтобы получить наследство, надо, чтобы кто-то умер, больше ничего. За нас умер Христос; в нас умирает ветхий Адам; для нас, христиан, умирает мнимый мир суеты и неправды, греха и расчета» [8, с. 25]. Несомненно, Крест совершился без нашего усилия. В определенном смысле и смерть ветхого Адама в нас мы не в силах отменить: как в Адаме все согрешили, так во Христе все спасены (см. Рим. 5, 18). Но умирание для христиан суеты, неправды и расчета дано как возможность, и ее реализация требует труда. Стать кротким нелегко: страшно отказаться от тех самых суеты и расчета, создающих иллюзию защищенности. Кротость требует мужества. К тому, кто встал на путь кротости (как и других блаженств), обращены слова апостола Павла: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим. 12, 21).

Прощение являет кротость в человеческих отношениях. Кроткий не мстителен и не злопамятен, он прощает. Прощающий смиряется и исполняет волю Бога, призывающего прощать, — то есть становится кротким, пусть только на время прощения, даже если он и не знает о своей кротости.

1. 2. Блаженство милостивых

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут»

(Мф. 5, 7).

«Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд»

(Лк. 6, 36).

Милость предполагает и умиление как открытость сердца ближнему и миру, и сострадание как помощь и заботу, и щедрость как готовность раздавать дары.

Сравнивая варианты заповеди милости у Матфея и Луки, легко увидеть, что концепт человеческой милости, как и другие евангельские понятия, строится как *уже да еще нет*: милость рождается и потому, что человек *уже* познал милосердие Отца Небесного, и потому, что только милость ведет нас в дом Отчий, *еще* далекий. Милость выступает и как причина искать путь к Богу (желаем Его помилования, потому станем милостивыми), и как подражание Ему (знаем, что Отец милостив, потому станем милостивыми). Поскольку милость, начало и плод богопознания, сопровождает нас на всем христианском пути, постольку она — богообщение *par excellence*.

Блаженство милостивых построено так же, как одно из прошений Отче наш и поясняющие его слова Иисуса: милостивый будет помилован, прощающий

будет прощен. Такая форма напоминает о золотом правиле поступать с людьми так, как хочешь, чтоб люди поступали с тобой. В отличие от золотого правила, действующего в горизонтали как отрезок, соединяющий людей, заповеди милости и прощения образуют треугольник с вершиной на небе: мое отношение к другому человеку — причина того, как выстроятся мои отношения с Богом. Такова и форма притчи о Страшном Суде (Мф. 25, 31–46).

Прощение — проявление милости. Отмену законного наказания мы называем помилованием, подчеркивая связь прощения с порядком благодати, превосходящим порядок закона. Прощение в определенном смысле даже противостоит закону. Задача закона — ввести твердые границы, позволяющие отделить тех, кто эти границы нарушает, от тех, кто их соблюдает. Прощение, напротив, не отграничивает добрых от злых, праведных от грешных. Оно обращено к любому человеку.

1. 3. Блаженство миротворцев

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими»

(Мф. 5, 9).

Ценность мира как отсутствия войны не подвергается сомнению в современных гуманитарных дискурсах. При этом большинству людей, в том числе христиан, не кажутся странными миротворческие войска и жесткие, даже военные методы установления мира. По-видимому, этот парадокс связан с глубоко укорененными в сознании архаическими представлениями о том, что на земле, полной вражды, мир устанавливается только силой государства, концентрирующего разум и волю и способного прекращать войну всех против всех. Ни Лао Цзы, ни Будда, ни Иисус не смогли убедить человечество в том, что конструированный мир всегда разрушается, а подлинный мир вырастет, как дивное дерево, сам собой, как только мы прекратим свое насильственное миротворчество. Людям страшно ходить по водам и доверяться Богу, которого никто не видел, поэтому они предпочитают достигать мира насильственными методами. В этом контексте столь дискуссионный сегодня концепт русского мира представляется очередным возобновлением мифологемы «Москва — Третий Рим». Еще Вергилий в своей народообразующей поэме «Энеида» утвердил призвание Рима «налагать условия мира, милость покорным являть и смирять войною надменных» [4, с. 263]. Русский мир, как и *Pax Romana*, нацелен на создание пространства, где империя своей властью и силой установит гражданское спокойствие, военную безопасность и регулярность экономической и культурной деятельности.

Концепции конструированного миротворчества включают в себя религиозную санкцию. При этом подлинное учение о мире замещается его идеологизированными изводами. Волей языка в русской Библии эта опасность подчеркнута омонимией «князь мира» (в других языках она отсутствует, поскольку мир как покой и мир как вселенная там означаются разными словами). Сатана — князь мира сего, *the prince of this world* (Ин. 12, 31). Но и Христос — Князь Мира, *The Prince of Peace* (Ис. 9, 6). Так сам язык призывает нас еще раз задуматься о том, сколь искусно притворство лжехристов и лжепророков и как легко принять за мир Божий его симулякры.

Впрочем, при первом же внимательном взгляде на Писание обнаруживается радикальная несовместимость человеческого конструированного мира и онтологического мира Божьего. Мир Христов, евангельский шалом — никоим образом не продукт силового миротворчества. Шалом — высшее благо человека, даруемое Богом. В конечном счете, это Присутствие Бога, богообщение. Когда Иисус посылает апостолов на проповедь, Он велит им приветствовать людей возвещением мира: «В какой дом войдете, сперва говорите: «мир дому сему!» И если будет там сын мира, то почиет на нем мир ваш; а если нет, то к вам возвратится» (Лк. 10, 5–6). Мир дается мгновенно, одним словом, властно и целостно. С. Тагуэлл сравнивает это апостольское провозглашение мира с брошенным мячом, который попадает или в руки, или в стенку:

«Мир этот столь ощутим, почти реален, что если в доме его не примут, он как бы отскочит назад, к Апостолу. Привычное приветствие «Шалом» становится властным провозглашением истины Божией, которая не в пример сильнее психологических, эмоциональных, социальных факторов. Возвещая мир, мы возвещаем животворящую силу Божию в самой сердцевине неправды и греха» [8, с. 84].

Человек свободен принять или отвергнуть предлагаемый ему Божий мир. Этот выбор совершается мгновенно и определяется состоянием человеческого духа. Неисследимая глубина человека всегда жаждет мира, но не всегда мы находимся в контакте со своим собственным сердцем.

Чтобы стать способным принять Божий мир, надо установить мир (тишину, покой) внутри себя. Это позволит нам принять божественную целостность, возвещаемую евангельским миром. С. Тагуэлл подчеркивает:

«Целостность Божия вмещает все, что *есть*. Ничего не надо отбрасывать, кроме лжи. Мир, который мы возвещаем, так полон, что может на первый взгляд показаться противоречивым <...> Мы не достигли бы мира, спрямляя сложности жизни. Вот почему христианин не может «принимать чью-то сторону» <...> Наша цель — утверждать, а не отрицать и противоречить» [8, с. 85].

Мир на земле может быть либо результатом конформирования людей, принуждающего всех принять некие предписанные принципы общежития, либо плодом прощения, признающего за каждым право следовать собственным принципам. Прощая друг друга, мы взаимно утверждаемся в человеческом достоинстве детей Божиих, даем друг другу место на земле под небом. Миротворчество начинается не тогда, когда мы бьемся до конца за собственное понимание правды, жизни, Бога, за любую другую частную истину, а тогда, когда в свете Божией целостности мы видим зерно истины в любом веровании, любой традиции, любой жизненной позиции. Можно, конечно, твердо стоять на своем, отделяя по своему разумению верное от ложного и искореняя последнее. В этом случае будет честно признать, что мы не христиане, а люди, избравшие служение ограниченной, познаваемой, ясно формулируемой ценности. К Богу Вседержителю, непостижному уму и неопределимому словами, эти частные ценности имеют весьма опосредованное отношение. Поставив их в центр своей жизни, мы впадаем в грех кумиротворчества.

Наконец, важно отметить, что блаженство миротворцев вовсе не призывает христиан встать на борьбу с существующими светскими миротворческими практиками, такими как применение силы ради прекращения конкретных и агрессивных злодеяний и ведение переговоров, предполагающих развернутый, длительный и небескорыстный торг о справедливости. Увы, человечеству пока не удавалось достичь гражданского мира без силы и торга. Наблюдая, как они действуют, и тем более — оказавшись под их действием, нетрудно испытать гнев. Тут стоит вспомнить блаженство кротких, возвещающее, что гневающийся на зло рождает зло. Борьба с несовершенными методами миротворчества ровно так же, как любая другая, провоцирует новые витки агрессии и насилия.

Сколь бы ни были темны для нас пути Провидения, как бы ни была страшна наличная ситуация, каждому открыт его собственный путь и за каждым остается его личный выбор. Христианин, по слову К. С. Льюиса, всегда находится на оккупированной территории, он живет в реальности мира сего, где князь известно кто. Но каждый взгляд на небо напоминает о небесном отечестве, о призвании к миру Христову, о служении миротворчества, усыновляющем нас Отцу Небесному, и Крест Христов свидетельствует о том, что непостижимая и чудная воля Господня может обратить любое злодеяние в инструмент спасения. Едва ли существуют просто формулируемые и общие для всех правила, как быть миротворцем. Но можно твердо надеяться, что человеку, всерьез возжелавшему мира, стремящемуся жить по Евангелию, Господь укажет, как именно следует ему поступать в каждый определенный день в его собственных конкретных обстоятельствах.

1.4. Прощение и молитва

«Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой»

(Мф. 5, 23–24).

«И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших»

(Мк. 11, 25–26).

Иисус ясно утверждает: прощение и примирение — необходимые условия духовной и религиозной жизни. Если мы не простили ближнего или не прощены им, наши молитвы и жертвоприношения бессмысленны. На первый взгляд эти требования просты, но при ближайшем рассмотрении их исполнение связано с значительными, если не непреодолимыми, трудностями.

«Пойди прежде примиришься с братом твоим»: Оставить дар свой перед жертвенником и отправиться мириться с братом, который, быть может, находится далеко, — довольно громоздкое действие. Мало того. Предположим, я добрался до брата, предложил возместить ущерб, как было принято в Иудее

времен Иисуса, и попросил прощения. А если брат не захочет со мной мириться? Если он отвергнет и мои попытки возмещения, и просьбы о прощении на том основании, что ему нанесены неисцелимые раны и он видеть меня не хочет и принимать от меня ничего не будет? По-своему он будет совершенно прав: прощать или нет — дело его свободы. Но тогда получится, что его непорочное жестко ограничит мою свободу, в пределе — блокирует мои отношения с Богом и тем самым нанесет рану не менее жестокою. А поскольку у каждого из нас всегда найдется тот, кто имеет что-нибудь против нас, дорога к жертвеннику — к таинству Литургии — для нас постоянно будет закрыта. Источник жизни окажется недоступен, что ввергнет нас в еще страшнейшую тьму. Как с этим быть?

Вероятно, не следует понимать условие, поставленное Господом, буквально, как не следует выкалывать себе глаза и отсекал руки, читая соответствующие места Евангелия. Жесткость этого условия имеет такое же педагогическое значение, как и слова об отсечении соблазняющей руки. Пронзительные яркие образы призваны показать, как страшен грех: всякому понятно, как горько оказаться безруким или слепым — ровно так же горько разрушить душу грехом. Говоря о невозможности приносить жертву в состоянии непримиренности, Господь напоминает, что в Его глазах милость выше закона, мир между людьми выше ритуалов и жертв.

Мы не имеем права приступать к таинствам, когда есть брат, имеющий что-то против нас. Когда мы все-таки это делаем, будем помнить, что Литургия совершается не по нашему достоинству, а исключительно по милости Бога, прощающего нас, униженных и запятнанных непорочием братьев. Мы стоим перед Богом не как праведники, по чести приглашенные на пир, а как грешники, помилованные щедрым Царем. Только сознавая одновременно свое глубокое недостойство и величие милости Божьей, можно приступать к животворящей святине Литургии.

«Когда стоите на молитве, прощайте»: Мы должны просить прощения у имеющих что-то против нас, но не можем обязывать тех, против кого что-то имеем, просить у нас прощения. Стоя на молитве, не стоит дожидаться от обидчиков просьб о прощении. Господь велит прощать, как только мы вспомним, что обижены. Но если нас кто-то обидел, об этом трудно забыть. Обида обладает ядовитым свойством постоянно прокручиваться в мыслях и окрашивать в мрачные тона восприятие жизни. Стало быть, всякий раз, вставая на молитву в состоянии обиды, мы должны начинать с внутреннего движения прощения, с попытки простить. Было бы слишком легко простить с первого раза и мгновенно, такого практически не бывает. Чем тяжелее причиненное нам зло, тем больше времени требуется на его прощение. Этот процесс освобождения от обиды совершается разными путями, в том числе и через молитвенное воспоминание ненавидящих и обижающих нас.

Господь призывает нас прощать всякий раз, как мы чувствуем обиду и стоим перед Его лицом — то есть прямо сейчас. Он не предлагает сначала проанализировать и взвесить совершенное против нас зло, осознать породившие его социальные и политические причины, добиться от злодея качественного раскаяния, получить возмещение ущерба, дожидаться извинений — и уж потом, так и быть, его простить. Достаточно просто почувствовать свою обиду

и осознать ее как то, что отделяет меня от Бога и создает угрозу оказаться отделенным от Его любви.

Часто — в особенности в связи с вопросами прощения и примирения в гражданских и межнациональных конфликтах — высказываются мысли о том, что прощать злодеев безнравственно (подробнее о проблематике прощения истории см. написанную мной главу в кн. [3]). Считается необходимым сначала назвать по именам всех палачей и дожать их, чтоб они прошли через все ступени раскаяния: осознали свою вину, публично ее признали, возместили ущерб, понесли законное наказание. Тогда они заработают, заслужат прощение жертв и смогут снова стать полноправными членами общества. В этой логике работают всевозможные комиссии по денацификации, или декоммунизации, или «правде и примирению», создающие регламенты, инфраструктуры и матрицы для того, чтобы раскаивать и замирать людей. При всей вложенной энергии, средствах и, будем надеяться, значительной толике добрых намерений такие проекты никогда не достигают серьезных результатов. Напротив, чем мощнее машина покаяния и примирения, чем лучше она сконструирована, тем больше лицемерия, жульничества и злоупотреблений сопровождают ее работу. Более того, поскольку боль и память людей в таких машинах неизбежно используются определенными политическими силами в их стремлении к власти, дело получается совсем не Божье.

Стоит особенно отметить, что всякий раз, когда поднимаются вопросы страшного прошлого, исторической памяти, покаяния и примирения, груз вины закрепляется не только за самими злодеями, но и за их потомками, а право на моральное возмещение и прощение присваивают себе потомки жертв. Нравственный статус таких смещений весьма сомнителен. Оставим в стороне вопрос о том, что у каждого человека в семье есть и злодеи, и жертвы — тот, кто отрицает это и безоговорочно помещает себя в стан жертв, имеющих право на моральный суд и возмещение зла, или получил вместе со всем своим родом эксклюзивную благодать от Господа и во плоти вошел в чин ангельский, или попросту плохо знает свою семейную историю. Предположим, что перед нами носитель эксклюзивной благодати, у которого в роду одни замученные праведники. Разве эти праведники дали ему право, доверили ему власть судить и прощать от их имени? Когда я думаю о своих предках, среди которых есть и расстрелянные в 1938 году, и покончившие с собой тогда же, и убитые на фронте, и умершие в блокаду, и сгинувшие в лагерях и ссылках в послевоенные годы, я не знаю, как они мыслили свою судьбу, как решали свои внутренние вопросы. Я родилась через много лет после их ухода. Они не посещают меня ни во сне, ни наяву. Они не оставили лично мне никаких посланий и завещаний. Я не могу ни прощать, ни каяться от их имени. При всей любви к ним, при всей молитвенной памяти — вернее, именно потому, что я их люблю, уважаю и молитвенно помню — для меня нравственно невозможно узурпировать права, который принадлежат им одним.

Иисус призывает лично каждого из нас прощать в момент молитвы, потому что лично каждый нуждается в прощении от Бога. Прощение — глубоко персональное дело, труд моей собственной души. Когда я чувствую боль и обиду, когда против меня совершено преступление, только я могу простить обидчика. Когда я совершаю преступление и наношу раны другому, только

я могу просить за это прощения. Очевидно, что государство и общество могут и должны хранить историческую память, восстанавливать справедливость, наказывать виновных и возмещать ущерб пострадавшим. Но раскаяние и прощение — это не дело ни государства, ни общественных организаций, ни друзей и родственников. Только тот, кто страдает, обладает правом прощать. Только тот, кто причиняет страдание, способен просить прощения. Ни первое, ни второе невозможно делегировать, как невозможно передать другому свою рану.

1. 5. Заповедь любви к врагам

«Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»
(Мф. 5, 44–48).

«Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и взаимы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд»
(Лк. 6, 35–36).

Призыв любить врагов венчает ту часть Нагорной проповеди, что посвящена непротивлению злу. Евангельская заповедь «*Не противься злему*» (Мф. 5, 39) развивает и завершает заповедь закона Моисеева об ограничении мести («око за око и зуб за зуб»). Иисус не только запрещает давать адекватный ответ на злодеяние, но и предлагает подставить агрессору другую щеку, отдать верхнюю одежду и пройти два поприща вместо одного. Эти евангельские стихи у всех читателей Евангелия вызывают сильные чувства, но далеко не всегда их удается понять.

Некоторые толкователи бывают склонны видеть здесь эффективную стратегию борьбы со злом, которое преодолевается превосходящим его добром. Отец Иоаннуарий отвергает такое объяснение:

«Нет, заповеди Иисуса в качестве разумных советов для практики, так сказать, «обезоруживающей любви к врагам» мало подходят. Вполне ведь может случиться, что ударивший с удовольствием ударит еще раз, бедняк замерзнет без одежды, а вражеская оккупационная власть только усилится от твоей услужливости!» [6, с. 169–170].

Похоже, что с этой заповедью дело обстоит так же, как и с упомянутыми выше повелениями выколоть глаз, отрубить руку и отказаться от жертво-

приношений. Господь не дает отчетливые инструкции, которым необходимо прямо следовать. Создавая парадоксальную, невозможную, взламывающую стереотипы сознания ситуацию, он вводит ученика в особенное состояние ума, которое позволит затем в разнообразных жизненных случаях принимать решения не только с учетом обстоятельств, но и со знанием Божьего взгляда на дело.

Светские люди часто подвергают принцип непротивления злу жесткой критике как позицию не только нереалистичную, но и унижительную и недостойную: отказ отвечать силой на насилие воспринимается ими как безнравственное равнодушие к страданиям ближнего и лживая отговорка, прикрывающая трусость и слабость. От поверхностного взгляда ускользает сила и действенность непротивления, которую отец Ианнуарий определяет как «активность непротивления»:

«Выраженная в отрицательной форме «Не противься злему» заповедь Иисуса Христа выражает положительную психологическую позицию. Она призывает не к рабской морали примирения со злом, но к высшей степени *самообладания* в гуще зла и насилия и к такой нравственной силе, которая бесконечно превосходит «героизм» Ламеховой воинственности и готовности оказать сопротивление. Следовать звериному инстинкту Ламеха легче, чем овладеть своими инстинктами. Однако было бы неверным ограничивать заповедь об отказе от мести чистой субъективностью, сводить ее исключительно к психологии, к чему-то внутреннему. Разумеется, она призывает и к соответствующему *активному* поведению, в котором выражается протест против царящего в мире насилия. Как может проявиться эта внешняя «активность» непротивления? Множеством способов. Единого рецепта нет: все зависит от конкретной жизненной ситуации» [6, с. 176].

Упомянутый Ламех — потомок Каина. Каин совершил первое в человечестве убийство, через него в мир пришла смерть. Через Ламеха произошел взрыв насилия на земле. Каин совершил единственное убийство; Господь, положив на его чело защитительную печать, предупредил, что поднявший руку на Каина станет убийцей семерых; Ламех же готов убить сотни людей: «Если за Каина отмстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро» (Быт. 4, 24). Если первое убийство было совершено на религиозной почве, из ревности о качестве жертвоприношения, то далее агрессия вызвана прежде всего страхом, и сила ее растет по мере того, как закручивается спираль мести. Жажда отмщения всегда порождается страхом и дурно понятым квазирелигиозным долгом. Единственным нравственно верным и действенным ответом на злодеяние является отказ от мести, знаменующий победу над страхом и прорыв к подлинному богообщению. Прощение и примирение, «не будучи проявлением покорности господствующему порядку, <...> создают оазис нового Божьего мира в пустыне старого, делая возможным преобразование последнего» [5, с. 129].

И Матфей, и Лука используют слово *αγαπάτε* — любите. *Αγάπη* — тот вид любви, что существует между людьми, принадлежащими к одному сообществу, например, соседями или прихожанами одной церкви. Такая любовь не предполагает (хотя и не исключает) ярких эмоций, глубокой привязанности и действенной заботы, зато непременно содержит признание другого: мой сосед или человек из моего прихода могут быть мне крайне неприятны,

но я никогда не смогу запретить им здесь жить или молиться. Евангельская заповедь не обязывает восхищаться врагами, испытывать к ним нежность и тем более соглашаться с их агрессивными действиями. Она говорит о том, что враг обладает ровно теми же человеческими правами, что и я. Как и я, он достоин жить на земле под небом; как и мне, ему открыты все пути. Принятие врага как равноправного обитателя мира требует большого мужества и труда, но только такое принятие, свободное и от рабского подчинения, и от агрессивного страха, может изменять мир, творить эпоху, по слову Владимира Янкелевича:

«Миг прощения завершает предшествующий промежуток времени, закладывая фундамент нового промежутка. Следовательно, он подразумевает смелость: смелость, переходя в наступление, сталкивается с опасностью лицом к лицу; а прощение, отваживаясь предложить мир, забывает об оскорблении. Прощение буквально *творит эпоху*, в двух смыслах этого выражения: оно отменяет устаревший порядок, оно кладет начало порядку новому» [9, с. 283].

Любовь к врагам необходима, потому что она создает возможность стать сынами Божиими (*сынами Отца Небесного*, у Матфея; *сынами Всевышнего*, у Луки). Вспомним, что усыновление Отцу обещано также миротворцам, кротким и милостивым. Любовь к врагам, кротость, милость и миротворчество — одно и то же качество сердца, с разных сторон рассмотренное и по-разному названное. Качество это по существу божественное. Оно обнаруживается в глубине падшей человеческой природы как образ Божий, замутненный грехом, но неустранимый. Отец Ианнуарий подчеркивает, что именование Бога Отцом Небесным в Евангелии от Матфея указывает на бесконечную близость Бога к человеку и в то же время на нашу радикальную отделенность от Божией жизненной полноты:

«Бог в этом Евангелии — Отец *Небесный*, то есть, выражаясь философски, трансцендентный, а выражаясь библейским языком, — святой. Это наименование — *Отец Небесный* — замечательно объединяет трансцендентность Бога (Он на *Небесах*, *Небесный*) с его имманентностью, с Его присутствием в мире, присутствием в любви и милосердии. И это хорошо передается близким и искренним словом «Отец»» [6, с. 194].

Евангелист Матфей сохранил удивительный образ, которым Господь показал божественную любовь. Иисус говорит о потоках солнечного света и дождевой воды, изливающихся с неба. Солнце и дождь — чудесные манифестации природной красоты и жизненной силы. Они нисходят с небес свободно и бесцельно, даются всем даром, озаряют и напояют землю, не спрашивая нашего на то согласия. Ничто не приносит нам столько радости и удовольствия, ничто не укрепляет душу и тело так, как небесный свет и чистая вода. Для слушателей Иисуса, многие из которых были крестьянами, эти потоки были не просто прекрасны. От солнца и дождей, влияющих на урожай, напрямую зависела жизнь. Господь дает жизнь всем, не различая добрых и злых, праведных и неправедных. Он не одобряет зло, но при этом каждому дает жизнь, а с ней — открытое будущее, в котором завтрашний день может быть не таким, как сегодня.

Господь подчеркивает, что благотворение своим — обыкновенное человеческое свойство, вписанное в земной порядок вещей, а потому не оно открывает нам усыновление Отцу Небесному. Богосыновство становится возможным, когда человек приобщается к дивному божественному равнодушию, щедро и безрассудно дарующему красоту, радость и жизнь всем подряд. В отношениях между людьми это божественное свойство проявляется как прощение:

«Принцип взаимности в любви (ты меня любишь — вот и я тебя буду любить) справедлив для любых «грешников», но совсем недостаточен для последователей Иисуса Христа — к ним обращен призыв любить и при этом ничего не ожидать в ответ. Это свойственно Богу, Который любит мир и людей и поступает с ними *не по принципу взаимности, но по принципу прощения!*» [6, с. 191]

Отец Иоаннуарий обращает внимание на то, что там, где у евангелиста Матфея стоят слова «*будьте совершенны*», у Луки сказано «*будьте милосердны*»: «Быть «совершенным» человеком означает *исполнить Закон* в проявлении безграничной любви (в том числе даже к врагам), что является отражением любви «совершенного» Бога ко всему творению» [6, с. 193]. В сфере нравственного поступка совершенство, милосердие и прощение синонимичны.

Подчеркнем снова, что действие заповеди о любви к врагам, как и других заповедей блаженства, распространяется именно на личность, а не на общество и государство:

«Она не носит юридический или социально-политический характер. Заповедь любви к врагам вовсе не отвергает общественную обороноспособность, долг государства охранять свое население от внешнего врага. Эта заповедь направлена не на существующие общественные институты, но *на отдельного человека*, на состояние его сердца» [6, с. 195].

В противоположность логике мира сего, стремящегося превратить человека в статистическую единицу, Евангелие постоянно напоминает: время, когда для самоуважения и полноты было достаточно существовать как правильный элемент сообщества, прошло. Новый завет обращен уже не к социальной группе, классу, нации или религиозной общине, а к свободной личности.

1. 6. Отче наш

«Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим <...> Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших»

(Мф. 6, 12–15).

Когда ученики попросили Иисуса научить их молиться, Он дал им молитву Отче наш. Прощение грехов Богом ставится в ней в прямую зависимость от того, прощает ли человек других. Господу настолько важна эта мысль, что сразу после дарования молитвы Он повторяет ее снова, как детям малым, разъясняя, что прощение — неперемное условие входа в Царство Небесное.

В Евангелии отсутствуют жесткие предписания и твердо сформулированные условия. Заповеди Христовы, будучи щедрыми дарами Божиими, носят характер обетований, призывов, педагогических гипербол и парадоксов. Единственный раз мы встречаемся с ясно выраженным условием: вы будете прощены Отцом Небесным только в том случае, если сами будете прощать людей. Для чего эта твердость? Неужели Бог не может простить нас просто так, безусловно? Разве Он злопамятен, обидчив или педантичен? Очевидно, что дело не в этом. Бог всех навсегда заранее простил. Правило прощения нужно не Ему, а нам. Человек, неспособный к прощению — вернее, не научившийся ему, потому что Господь не ставит невыполнимых задач — не сможет войти в Царство не потому, что Бог его не впустит, а потому, что сам не захочет. В «Расторжении брака» К. С. Льюиса есть эпизод: в аду люди собрались на остановке, откуда каждое воскресенье отправляется бесплатный автобус в рай. В ожидании автобуса многие успевают перессориться и уходят обратно в свои адские жилища из тех соображений, что рай им не нужен, если там окажутся такие омерзительные персонажи, как этот сброд, который толчется на остановке. Получается, что ад — дело исключительно добровольное. Господь открывает рай для всех, но мы столь погружены во взаимные счеты, оценки и обиды, что рискуем отказаться от Царства из-за того, что не способны принять другого.

Строгая заповедь прощения определенно указывает на то, что немирное состояние исключает человека из общения с Богом. В свете твердо поставленного Господом условия всевозможные теории праведного гнева, священной войны и непримиримости к врагам Бога и Церкви обнаруживают свою несовместимость с учением Христа. Мы уже говорили о том, что в истории бывают ситуации, когда людям не обойтись без применения силы, но одно дело — взять в руки меч со слезами на глазах и покаянной молитвой в сердце, другое дело — размахивать им со спокойной совестью, не сомневаясь в собственной праведности.

Отметим при этом, что Иисус велит нам прощать не долги, а должников. Долги (грехи) прощает только Бог. Люди не обладают правом судить и отпускать грехи, их прощение всегда направлено к лицу, а не к содеянному. Об этом точно говорит Ханна Арендт:

«Прощение относится лишь к личности и никогда к предмету и оно поэтому может быть объективно неправым <...> Когда извиняют несправедливость, то извиняют тому, кто ее совершил, что естественно ничего не меняет в том, что несправедливость была несправедливой» [2, с. 320].

Фундаментом прощения она считает

«уважение к личности, рассматриваемой однако в этом случае на том отдалении, какое развертывает между нами пространство мира, причем это уважение совершенно независимо от качеств личности, способных вызвать наше восхищение, или от успехов, высоко ценимых нами <...> Уважение создает вполне достаточное побудительное основание простить человеку то, что он сделал, ради того, кто он есть» [2, с. 322].

Прощение адресовано к глубинному *кто* человека, непознаваемому для него самого. Эта глубинная личность, несводимая к совокупности свойств, подающихся описанию и изучению, и обнаруживающая себя в слове и поступке, всегда «больше чем совершённая ею несправедливость» [2, с. 323].

Прощение обращено не к злу как таковому и даже не к отдельному злодеянию. Прощая, мы не одобряем зло и не смиряемся с ним, а принимаем человека таким, как есть — с совершенным им злом, но и с неотъемлемой способностью меняться, становиться другим. Митрополит Антоний Сурожский рассказывал о том, как в молодости он никак не мог простить товарища. Тогда духовник велел ему, читая Отче наш, говорить: «Не прощай мне, Отче, долги мои, как я не прощаю Кирилла». Это оказалось настолько невыносимо, что он решил простить: «Пошел к Кириллу и говорю: «Ты – такой-сякой-этакий, но я тебя прощаю». Он говорит: «Нет, давай мириться!» И тогда пришлось мириться, то есть не с Кириллом «таким-сяким-этаким», а его принять таким, какой он есть» [1, с. 912].

Прощая своих должников, человек примиряется со своим прошлым. Зависимость от прошлого (и от собственных ошибок, и от семьи, народа, культуры, религиозной традиции, полученных нами помимо нашей воли) — одно из самых жестоких обстоятельств человеческой жизни. Мы приходим в мир, не нами выбранный, и постоянно испытываем гнет обстоятельств, от нас не зависящих. С. Тагуэлл констатирует:

«Сколько бы мы ни мечтали, что «все прекрасно устроится», нам приходится жить в ловушке прежних своих ошибок, чужих грехов, дурных социальных систем. Ощущение беспомощности — одна из самых тяжких психологических проблем нашей эпохи, легко приводящая к полному отчаянию. Евангелие дает на это суровый, но единственно реальный ответ. Оно говорит, что только приняв ловушку, мы можем изменить хоть что-то» [8, с. 32].

Прощение должников — жест принятия своей истории и отказа от образов прошлого, угнетающих нас. Об этом замечательно говорит Симона Вейль:

«Оставить должникам нашим — значит отказаться от всего прошлого в целом. Это значит принять, что чистое невинное будущее строго соединено с прошлым связями, нам неизвестными, но при этом совершенно свободно от связей, которые наше воображение тнит ему вменить. Принять, что на свете — и лично с нами — может произойти все, что угодно, что завтрашний день способен превратить всю нашу прошлую жизнь в бесплодную и пустую штуку. Только отказавшись одним движением от всех без исключения плодов прошлого, мы сможем просить Бога о том, чтобы наши прошлые грехи и ошибки не принесли в нашей душе отвратительных плодов зла. Пока мы привязаны к прошлому, сам Бог не в силах остановить в нас это ужасное плодоношение. Мы не можем быть привязаны к прошлому, не привязываясь тем самым и к нашим преступлениям, ибо самое главное зло внутри нас заключено в том, что нам самим неизвестно» [10, с. 224].

Полное прощение всех должников дает нам свободу, необходимую для того, чтобы в открытом будущем нашей жизни мог беспрепятственно действовать Бог.

Прощение должников — труд ради лучшего будущего на земле и ради Отчего прощения на небе. Но этот труд возможен, потому что прощение Божие — уже свершившаяся реальность: «Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы» (Кол. 3, 12–13). Уже да еще нет: слова апостола снова вводят нас в священное время, где нераздельны и неслиянны намерение и свершение, начало пути и его цель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антоний Сурожский (Блум), митр. Труды. М.: Практика, 2002.
2. Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.
3. Архипова М. В., Михайлова М. В. Прощение: Как примириться с собой и другими. М.: Никея, 2017.
4. Вергилий. Энеида // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Художественная литература, 1979.
5. Вольф М. Презрение и принятие: Богословские размышления о самосознании, восприятии Другого и примирении. Черкассы: Коллоквиум, 2014.
6. Ианнуарий (Ивлиев), архим. Жемчужины Нагорной проповеди: О главном в христианстве. М.: Никея, 2020.
7. Монах Восточной Церкви [Лев (Жилле), архим.]. Иисус глазами простой веры: Разговор души с Господом. М.: Никея, 2019.
8. Тагуэлл С. Беседы о блаженствах. Красноярск: Claretianum, 1994.
9. Янкелевич В. Прощение // Янкелевич В. Ирония. Прощение. М.: Республика, 2004.
10. Weil S. A propos du «Pater» // Weil S. *Attente de Dieu*. Paris: Fayard, 1966.